Пётр Иванович Ретвицкий

(1923–2010)

Человек и певец

Биографические воспоминания
и личные свидетельства

Автор: Евгений Викторович Ретвицкий

Киев — 2026

Жизнь коротка, и, будучи уже немолодым человеком, я хочу в первой части этого рассказа кратко остановиться на том, информация о чём редко встречается в открытых источниках либо хранится в личных архивах современников моего деда, либо в специальных государственных, до сих пор не оцифрованных архивах и фондах.
О себе позвольте упоминать в третьем лице, так как это — не обо мне, а о моём деде, я лишь упоминаюсь.
Как известно, Пётр Иванович Ретвицкий был одним из ярких представителей уроженцев Кировоградской области — людей, повлиявших на историю культуры, искусства и общественной жизни Украины, в прошлом — Украинской ССР. Как и его земляк, и сценический партнёр Александр Таранец, он оставил заметный след в культурной жизни своего времени.

Помимо общеизвестных фактов о рождении Петра Ивановича Ретвицкого в селе Росоховатец Новоархангельского района Кировоградской области 21 сентября 1923 года, мне известны — со слов самого деда, по фотографиям и личным воспоминаниям — сведения о его родителях, простых сельских людях. В роду в прошлом были священнослужители. Мать звали Евдокией, отца Иваном. У деда был родной брат — Евгений Иванович Ретвицкий, немного младше его по возрасту.
О раннем детстве дед рассказывал немного. По его словам, жизнь была непростой, как и у большинства семей того времени, переживших последствия Октябрьской революции и Гражданской войны. Несмотря на трудности, семья справилась с испытаниями. Взрослые воспитывали детей, работали. Дед часто вспоминал красоту родной земли и с большой теплотой говорил о родителях.
В семнадцатилетнем возрасте дед был угнан в плен. По дороге в концлагерь он несколько раз пытался бежать, был пойман, жестоко избит и в итоге оказался в концлагере Освенцим (Аушвиц). Из его рассказов и сопоставления с открытыми источниками следует, что Освенцим был не единственным лагерем на его пути. О тех годах он говорил неохотно. В лагере у него появились проблемы с лёгкими.
Он рассказывал, что, несмотря на нечеловеческие условия лагеря смерти, со временем научился выживать в этой реальности. Пользуясь редкой возможностью перемещаться по лагерю, он навещал других заключённых, поддерживал людей, находил силы пошутить и подбодрить окружающих. Именно там он начал петь. Он упоминал Дахау и Бухенвальд, и в печатных публикациях того времени действительно встречается информация о его пребывании в Дахау и Бухенвальде. Также есть информация, о том что он несколько раз бежал из мест заключения.

Он упоминал и об одном односельчанине, угнанном вместе с ним, который пошёл на сотрудничество с нацистами. Накануне освобождения лагеря, когда заключённых массово уничтожали, этот человек, понимая, что будет осуждён как пособник нацистов, и по-человечески относясь к деду, принял решение спасти его от сожжения в печи, и произвёл какой-то подлог с одеждой. Хотя это могло привести его (односельчанина) к наказанию и казни. В результате чего дед выжил.
Этот поступок дед всегда приводил как пример того, что даже человек, совершивший зло, способен на последний нравственный выбор и искупление.
На левой руке, в области кисти, у него был вытатуирован лагерный номер **136203**, зафиксированный в газетных публикациях. Более подробно о пребывании в концлагерях он со мной не говорил.

Пётр Иванович Ретвицкий состоял в счастливом браке с Еленой Андреевной Ретвицкой — преподавательницей вокала Эстрадно-циркового училища, успешным педагогом, воспитавшим большое количество талантливых исполнителей. В числе её учениц была, в частности, известная исполнительница популярной музыки Наталья Порывай (Наташа Королёва).
В браке у них родился сын — Виктор Петрович Ретвицкий (1954 года рождения). В разное время он работал музыкальным руководителем коллективов «Мрія», «Глазами молодых», «Кияне», «Дніпро», был композитором и исполнителем. В дальнейшем он преподавал вокал вместе с отцом в Киевском областном училище культуры на территории Киево-Печерской лавры. Виктор Петрович обучил множество талантливых молодых исполнителей; в частности, у него занималась актриса Екатерина Кистень. От второго брака у него есть дочь — Кристина Викторовна Ретвицкая (1990 года рождения), также выбравшая музыкальную профессию.
Единственным членом семьи, не связавшим свою жизнь с музыкальной деятельностью, стал внук Петра Ивановича Ретвицкого — Евгений Викторович Ретвицкий (1976 года рождения). Он работал в редакциях различных рекламных изданий и занимался деятельностью, не связанной напрямую с искусством, в том числе торговлей печатной литературой и сетевыми продажами. Позднее, у Петра Ретвицкого появился правнук — Виктор Евгеньевич Ретвицкий (1995 года рождения), которого Пётр Ретвицкий неоднократно навещал.

Хотя я жил в другом городе, я часто бывал в Киеве, учился там в 1988 году, проводил летние, зимние и весенние каникулы. Я хорошо знал деда. В 1980-е годы часто ходил с ним на работу, бывал на различных мероприятиях, участвовал вместе с ним в съёмках документальных фильмов, посвящённых искусству. Я также неоднократно сопровождал его на записи передачи «Соняшні кларнети», особенно в первой половине 1980-х годов.
Я знал многих его друзей, хотя всех уже не вспомню. Чаще всего у нас в гостях бывал Александр Таранец — его друг и коллега, с которым дед давал концерты до начала 80-х годов, вернее—до смерти матери деда. Это стало для него тяжёлым потрясением, после чего начались серьёзные проблемы с голосовыми связками. Он уже не мог петь как прежде и до конца карьеры занимался преподаванием вокала, участвовал в телевизионных передачах, работал в жюри конкурсов и фестивалей.

Мне доводилось видеть и некоторых влиятельных людей того времени, включая представителей высшего партийного руководства, однако перечислять их я не стану — речь в этой части идёт прежде всего о культурной и человеческой стороне жизни деда. Все его товарищи относились к нему с большим уважением. Его друзья во многом были похожи на него самого — строгие, взвешенные, корректные и при этом живые, весёлые люди. Было заметно, что война глубоко опалила их судьбы.
После участия в Декаде украинской литературы и искусства в Москве (1960 год) — дед и Таранец, были награждены орденами «Знак Почёта», лично Леонидом Ильичом Брежневым (Председатель Президиума Верховного Совета СССР 1960-1964). Эта декада — стала знаковой для них. События поездки — стали основанием для создания фильма «Ехали мы ехали» (1962). Я привык к его популярности: песни Петра Ретвицкого и Александра Таранца звучали повсюду. В доме стоял шкаф с их пластинками — их было несколько десятков.
Дед никогда не выражался нецензурно — по крайней мере, я этого не слышал. Он был крайне взвешен в выборе слов. В его жизни ощущалась внутренняя трагедия: пребывание в концлагере оставило неизгладимый след. Он жил скромно, отказался от дачи, не стал покупать автомобиль. Получив очередное звание (Народный Артист УССР 1984 г.), он не афишировал его и даже замкнулся, а прибавку к зарплате и пенсии тратил на меня — помогал материально, покупал необходимое для жизни. Мать повторно вышла замуж, и мы жили довольно бедно. Дед часто приезжал ко мне с подарками, присылал деньги и всегда поддерживал меня морально и материально.
С начала 1970-х годов и до конца жизни дед жил на улице Урицкого, на Соломенке. Получив квартиру в новом доме, он посадил рядом десятки лип — теперь они, вероятно, стали большими деревьями.

В праздники, дед иногда мог позволить себе 50 граммов рижского бальзама или настойки. Людей, злоупотребляющих чем-либо, он избегал. Курил крайне редко — я видел его с сигаретой всего несколько раз в жизни, хотя в доме стояли привезённые с Кубы небольшие деревянные коробочки с сигарами.
Дед часто гастролировал с Александром Таранцом за рубежом, в том числе на Кубе, где они останавливались у Рауля Кастро. Он выступал в странах западной и восточной Европы, Северной Америки, на Востоке. В Австралии и Африке, по его словам, он не был. Они представляли страну, и огромную часть своей жизни посвятили гастрольной деятельности.

За 27 лет совместной работы с ними не было связано ни одного скандала — им доверяли.В разное время, и в разных источниках (радио, программы ТВ., пластинки) я встречал, и слушал песни спетые дедом и Таранцом: Київські зорі, Киевские каштаны, Чёрная гора, Пливе човен, Марічка, Місяць на небі, Коли розлучаються двоє, Сніг на зеленому листі, Як затьохкав соловейко, А мати ходить на курган (Журавка), Очі волошкові, Троянди на пероні, Може, я тебе вигадав, Тільки в Києві, На долині туман, Пісня про рушник, Пісня про щастя, Чуєш, брате мій, Солдатский вальс, День угасал за горой, Далеко за кормою, Песня про тополи, Впали роси на покоси, Пісня шофера, Підкручу я чорнії вуса, Ти співала мені про кохання, Коханий, Згадай рідний край, Мы одни, Киевская бакаролла, Ехал козак за Дунай, Песня болельщика, и пр.

Мне доводилось бывать с дедом в гостях у его коллег, известных деятелей культуры того времени. Однажды, прогуливаясь у консерватории имени Чайковского на Крещатике, мы встретили Евгению Мирошниченко — она узнала меня и сказала, что я сильно вырос. Помню и одного его друга — известного музыканта, также прошедшего через концлагерь. Его фамилии я не помню, но он был строгим человеком со стеклянным, неподвижным синим глазом. Его невозможно было обмануть. Все друзья деда были людьми большого достоинства.

Здесь, я кратко упомянул о тех моментах, свидетелем которых был лично, либо слышал от деда. Позже, возможно, я подойду к более развёрнутому описанию событий.
Подытоживая сказанное, отмечу: Пётр Иванович Ретвицкий был человеком выдающимся. Пик его славы пришёлся на 1950–1970-е годы XX века. Он был стоек и скромен, талантлив и неприхотлив, обладал искромётным чувством юмора. Любил родную землю, людей и украинский язык. Он принадлежал к поколению людей, прошедших горнило Великой войны, заглянувших в глаза смерти и сделавших серьёзные выводы о жизни и ответственности человека перед другими.
Честь, совесть и достоинство они не декларировали — они с ними жили.
Пётр Иванович Ретвицкий ушёл из жизни на 88-м году, в 2010 году. Незабываемый, несгибаемый человек. Благодарный сын, внимательный отец, любящий дед и прадед.
Его уход стал для меня большим личным горем.